

ВЕРНОСТЬ И СВОБОДА

Диалог писателя Александра Мелихова
и поэта Вадима Пугача

Александр Мелихов. В древнейшем конфликте личного и общественного семья обычно относилась к сфере личного, едва ли не «мещанского» в кондовой советской терминологии. Однако же когда семьдесят лет назад известный американский социолог Дж. Коулмен в грандиозном исследовании попытался определить, какие факторы определяют уровень интеллектуального развития школьника, то оказалось, что практически все определяет семья. Ребенок из хорошей семьи обычно хорошо учится в любом окружении. Ребенок же из социально ущемленного слоя учится хорошо среди товарищей с более высоким социальным статусом и плохо среди «ровни».

Таким образом, хорошая семья оказалась главным фактором воспитания не только собственных детей, но и тех, кому посчастливилось оказаться с ними в одном классе. Успешность даже и государственного образования зависит от семьи.

«Но кроме интеллектуального развития, есть и нравственное, — возражают государственники, относящиеся к частной жизни с недоверием. — Кто поручится, что эти умники усвоили ценности патриотизма, труда?»

Неудивительно, что примерно в то же самое время — в разгар «оттепели» — в прогрессивнейшем «Новом мире» была опубликована программная статья академика-экономиста С. Г. Струмилина, предложившего заменить дилетантов-родителей профессионалами, перейти от кустарного производства к фабричному. Педагогическая национализация должна была осуществиться к 1975—1980 годам: к этому времени «каждый советский гражданин (это о новорожденном младенце! — А. М.), уже выходя из родильного дома, получит направление в детские ясли, из них — в детский сад с круглосуточным содержанием или в детский дом, затем в школу-интернат» — и так далее, все выше, выше и выше.

Матерям же будет дозволено навещать детей «в свободное от работы время... столько раз, сколько это *предусмотрено установленным режимом*». А за хозяйством будет тоже присматривать «специальный совет», который заодно будет заботиться о пенсионерах и инвалидах *труда*.

Эти планы вполне укладывались в русло теоретизирований Маркса—Энгельса, писавших о бесплатном общественном воспитании *всех* детей, о производительном труде с девяти лет, однако и до классиков научного социализма государство обрушивалось на семью всякий раз, когда стремилось подчинить общество решению какой-то единой задачи.

В разгар якобинского террора Робеспьер самолично представил Конвенту разработанный Мишелем Лепелетье «План национального воспитания», открывавший миру, что «свирепые враги королей являются самыми нежными друзьями человечества». Нежные друзья человечества намеревались ни больше ни меньше как *создать новый народ*, для чего *все* дети с пяти лет (хотя бы не с роддома) должны были передаваться в общественные заведения по четыреста-шестьсот воспитанников, которых ожидало там полное равенство в строгой дисциплине, производительном труде, почтительном уходе за престарелыми, одинаковая еда, одежда и постель — все дешевое, но «удобное и полезное для здоровья» (вино и мясо исключались; за воспитателями и завхозами надзирал родительский комитет).

При этом в одном из пятидесяти (какова точность!) воспитанников к одиннадцати-двенадцати годам должен был обнаружиться какой-то талант — ему и будет предоставлена возможность учиться дальше — начальству ли не знать, кто талантлив, а кто нет! Благодарение богу, в этой спартанской обстановке, в изоляции от родителей высшие потребности вряд ли прорезались бы у слишком многих...

Кстати сказать, сами легендарные спартанцы, отнимая детей у родителей, и не претендовали на подобные изысканности: чтению и письму их обучали лишь «по необходимости», а «остальное же их воспитание преследовало лишь одну цель: беспрекословное послушание, выносливость и науку побеждать». Спарта и не породила ни поэтов, ни ученых, как с давних пор указывали либералы. Не беда, мужество и самоотверженность важнее наук и искусств, отвечали им государственники во главе с Жаном Жаком Руссо.

И спору этому не видно конца...

Но за каким же из этих культов — за культом государства или за культом семьи — все-таки истина?

Истиной нам представляется все, что способно убить наш скепсис. А наиболее убедительны для нас физические впечатления и апеллирующие к ним образы, возникающие по аналогии с физическими, базовыми.

Так из аналогии с каким базовым образом вырастает представление о государстве, о нации? На сходстве с чем зиждется их эмоциональное обаяние? Я думаю, представление о нации вырастает из образа семьи — недаром и поныне самые пафосные патриотические образы отсылают к семейным святыням: «царь-батюшка», «родина-мать», «отечество», «убивают наших братьев», «бесчестят наших сестер»... И если когда-нибудь семья из святыни превратится в утилитарную ячейку общества, тогда утратят обаяние и образы-следствия, и нация тоже превратится в одну из множества неустойчивых прагматических корпораций. Которой служат лишь до тех пор, пока это выгодно.

Отношения семьи и государства не есть отношения двух равноправных соперников — это отношения причины и следствия. Поэтому те ревнивые государства, которые стремятся дискредитировать, лишить обаяния своего извечного соперника — семью, уничтожают тем самым источник и собственного обаяния. В мире чарующих образов образ государства вырастает из образа семьи, подобно тому как могучий ствол вырастает из семени.

Вадим Пугач. Свою реплику мне хотелось бы начать с того, что семья у вас, Александр, выглядит несколько неконкретно. Что, например, такое «хорошая семья»? Ясно, что все хорошее лучше всего плохого, включая и семью. Но если «хорошая» семья противостоит семье из «социально ущемленного слоя», значит, хорошая — это богатая. Разве это совпадающие понятия? Мы готовы назвать представителей «золотой молодежи» хорошо воспитанными? Российский опыт, кажется, по большей части говорит о другом.

С тезисом о том, что государственное образование (оно же воспитание) зависит от семейного, совершенно согласен. Но это так, потому что государственное образование у нас очень слабое. Оно иногда — при счастливых обстоятельствах — может осуществлять поддерживающую функцию, когда ребенок уже хорошо подготовлен, но едва ли способно самостоятельно закладывать мощный образовательный фундамент. Впрочем, я бы говорил о необходимости влияния на образование и воспитание детей не семьи, а среды. Это менее абстрактное и в то же время более широкое понятие. В него может входить и семья, если есть, и круг знакомств, и школа, и информационное поле, в котором находится ребенок.

И третья тема, которую вы подняли, — борьба за влияние на ребенка между государством и семьей.

Дело в том, что образ семьи, который возникает в наших представлениях, связан исключительно с патриархальной моногамной семьей. В ней есть родители, одни и те же на протяжении всей жизни, есть дети, подхватывающие традиции родителей, и т. д. Но такая семья как институт держалась на праве, власти, собственности отцов. Равные права и возможности мужчин и женщин эту семью отменили. Сейчас пора говорить не столько о кризисе, сколько о фактическом исчезновении такого типа семьи. Когда-то адюльтер существовал вне правового поля и всерьез на институт семьи не влиял. Теперь брак, образующий семью, легко расторгается, а пары переменного состава образуют совсем другой тип семьи — временной. Романтические фантазии о возвращении к традиционной семье — крепкой (на всю жизнь), с большим количеством детей — едва ли смогут превратиться в реальность. Ни правовой, ни экономической базы такая семья сейчас не имеет. Интересно, что наши государственники предлагают нам именно эту несуществующую семью как опору государства (то есть пытаются сотрудничать, а не бороться). Впрочем, так живут наши мигранты, но ведь они приходят из общества, которое находится на другом этапе развития, где патриархальные механизмы еще действуют. К тому же у мусульман традиционная семья не моногамна.

А. М. Надеюсь, мы не станем обсуждать, что такое хорошая семья, ибо тогда мы никогда не закончим, поскольку любые уточнения потребуют новых уточнений. Ограничимся интуитивным представлением о том, что это такое. Для начала согласимся, что в традиционной хорошей семье есть родители, одни и те же на протяжении всей жизни, и есть дети, подхватывающие традиции родителей, а затем задумаемся, каким образом можно сохранить выполняемые такой семьей функции среди новых вызовов, которые вы совершенно справедливо перечислили.

Первейшая социальная функция такой семьи — дети продолжают следовать ее социально позитивным ценностям в равнодушном к ним или даже враждебном окружении, а служение наследственным ценностям есть не что иное, как аристократизм. Хорошая семья — это семья аристократическая. В которой дети, даже повзрослев, продолжают гордиться родителями и стараются оказаться их достойными.

Да, такая семья в значительной степени держалась на праве, власти и собственности отцов. Но если бы только на них, то она ощущалась бы деспотическим учрежде-

нием, и она таковым и ощущалась и ощущается там, где отсутствует уважение к ее главе. А деспотизм способен воспитывать только ненависть к тому, что он проповедует.

Но служение семье требует столько усилий и жертв, что на одном лишь уважении она тоже не удержалась бы — мы много кого уважаем, но жертвовать готовы лишь немногим.

И я надеюсь, вы, яркий и оригинальный поэт, согласитесь, что хорошая семья в огромной степени держится на поэзии. Образам материнства, отцовства, родительской, да и сыновней, дочерней верности посвящено столько преданий и произведений искусства, что они даже сегодня в глубине души ощущаются почти сакральными. Сами слова: материнство, отцовство, по-матерински, по-отцовски, сыновняя почтительность, дочерняя заботливость — рождают в нас некоторое просветление. Если бы я не опасался всякой метафизики, то даже сказал бы, что и семья, и государство зиждутся не только на правах и не только на интересах, но на святынях.

В двадцатые годы тов. Коллонтай пыталась разрабатывать марксистскую теорию семьи, выводя ее, как и все на свете, из экономических нужд: во времена рыцарства главным производством была война, поэтому рыцарь не должен был любить жену, а потому держаться за ее юбку, он должен был любить недоступную даму, чтобы ему было легче расстаться с жизнью. Капиталистическая семья предназначена для накопления капитала и для этого изобрела супружескую верность — чтоб денежки не утекали на сторону. А то, что каждый из нас желает хотя бы для кого-то быть единственным и незаменимым, — это пережитки индивидуализма. В коммунистическом обществе, где все общее, можно, чтоб всей вселенной шла любовь. Мы до этого еще не возвысились, но сегодня общество несравненно более терпимо относится и к адюльтеру, и к разводу, и к созданию новых семей. Но прочность этих семей, преданность их членов друг другу в огромной степени порождается запасом поэзии (сакральности), накопленной традиционной семьей, члены которой сохраняют верность друг другу, покуда смерть не разлучит их. Если померкнет этот идеал, распадутся и новые семьи.

Подводя итог, сохранить традиционную семью как фактическую неприкосновенность невозможно, но ее необходимо сохранить как идеал, отступление от которого воспринимается если уж не как трагедия, то как серьезная драма. Как оно, впрочем, сейчас и воспринимается.

Я уже не говорю, что только в семье нас любят ни за что, любят нас самих, а не просто ценят какую-то нашу полезную функцию.

Собственно, ничего нового я не предлагаю. Хранить идеал, если даже безукоризненное следование ему почти невозможно, — таковы все этические идеалы. Идеал честности, бескорыстия — многие ли могут похвастаться, что никогда от них не уклоняются? Идеал семейной верности из этого же разряда.

В. П. Некоторые ваши утверждения мне очень нравятся. Особенно тезис о ярком и оригинальном поэте... И это не единственное, с чем я готов согласиться. Пожалуй, хорошая семья для меня — это та, где связи построены на любви и уважении, а не на праве. Когда-то молодой Тютчев, отвечая на пушкинскую оду «Вольность», противопоставлял просветительскому идеалу закона ценности «добра и красоты». Пушкин тютчевской реплики так и не узнал, но в зрелые годы, по-моему, перешел на его позицию («Иные, лучшие мне дороги права...»). Поступок по совести для российского человека всегда привлекательнее поступка по закону. В семье, мне кажется, стоит обращаться не к закону, а к совести. Это, конечно, в идеале. Но ведь вы и говорите об идеалах, то есть поэтических образах, служащих нам ориентиром. В вашей публицистике вы часто утверждаете важность поэтической фантазии, сказки для челове-

ка: именно ради сказки и совершаются подвиги. Человек — наименее материалистическое существо из живущих, это правда. Меня только смущает, что сказки, то есть идеалы, могут быть искаженными, даже уродливыми и просто преступными. И самое бескорыстное следование таким идеалам несет разрушение и смерть. Продолжаю думать, что патриархальная семья, сказкой о которой мы все еще пленяемся, принадлежит к числу сказок опасных. Вот мы поэтизируем власть Отца, но доброго, любящего, не пользующегося своей властью ради ущемления домочадцев. Другого отца, вы считаете, мы ненавидели бы. Но разве мы не поэтизируем власть отца-деспота? Разве не поэтизируются в проекции на семью образы таких маленьких иванов грозных и петров великих? Попробуем уместить в голове две как бы разнонаправленные мысли: а) миф человеку необходим; б) миф для человека опасен. К числу таких мифов относится и миф о семье. Когда на тему патриархальной семьи заспорили у Тургенева Павел Петрович и Базаров, последний напомнил о таком некрасивом явлении, как снохачи. Но ведь снохачество, как и другие уродливые проявления патриархальной жизни, неизбежно порождается самой патриархальностью. Если уж миф нам так нужен (а он нужен, повторю), давайте осознаем его амбивалентность. Может быть, это не разрушит миф, а придаст ему своего рода глубину? Вольно было Воланду и его компании творить миф о неразоблачаемости магических фокусов. Сама булгаковская литературная реальность их разоблачает, причем буквально: коровьевские купюры становятся бумажками, а наряды бесследно исчезают, предоставив женщин их собственной нагоде. Да, без мифа нет культуры. Но пусть к мифу прилагается и инструкция по его разоблачению...

А. М. «Но разве мы не поэтизируем власть отца-деспота? Разве не поэтизируются в проекции на семью образы таких маленьких иванов грозных и петров великих?» — «Разумеется, нет», — хочется ответить мне, ибо ни с чем подобным я никогда не сталкивался. Разве что у Чехова.

«Утром, когда я, встав от сна, стою перед зеркалом и надеваю галстук, ко мне тихо и чинно входят теща, жена и свояченица. Они становятся в ряд и, почтительно улыбаясь, поздравляют меня с добрым утром. Я киваю им головой и читаю речь, в которой объясняю им, что глава дома — я.

— Я вас, ракалии, кормлю, пою, наставляю, — говорю я им, — учу вас, тумбы, уму-разуму, а потому вы обязаны уважать меня, почитать, трепетать, восхищаться моими произведениями и не выходить из границ послушания ни на один миллиметр, в противном случае... О, сто чертей и одна ведьма, вы меня знаете! В бараний рог согну! Я покажу вам, где раки зимуют! и т. д.»

Решительно во всех известных мне семьях отношения строятся на взаимной любви, неотделимой от уважения. Да, случаются и ссоры, и разводы, но они всеми воспринимаются как драматическая или даже трагическая аномалия. Решительно все согласны, что семейные отношения должны базироваться на любви и верности.

Скажите, пожалуйста, где вы, лично вы видели семейных деспотов, которые еще и считали, что так и должно быть, которые еще и поэтизируют эту роль? Вы говорите, что нужна инструкция по разоблачению этого мифа? Да, конечно, если в каких-то дремучих слоях он действительно существует. Но миф о мудром и добром отце и есть наилучшая инструкция для разоблачения мифа, поэтизирующего отца деспотического. Если же говорить о практической стороне дела, то, судя по тому, что больше половины браков распадаются, мало кто согласен терпеть деспотизм супруга или супруги по идейным соображениям. По опросам ВЦИОМ, треть разводящихся считает главной причиной развода финансовые проблемы, а неумение идти на компромиссы маячит на последнем месте, около 5 %.

Можно, правда, допустить, что деспотические семьи сюда не попадают именно потому, что не решаются разорвать брачные кандалы, и я с самым искренним интересом хотел бы от вас узнать, есть ли какие-то научные данные о количестве семей, томящихся под гнетом деспота отца или матери, и о мотивах, заставляющих их это положение терпеть?

В. П. Александр, я не социолог, каких-то научных данных привести не смогу. Но огромное количество разводов свидетельствует как раз о том, что институт семьи разрушается, патриархальность уже не привлекает, да она и невозможна. В этом смысле интересна метафора, которую вы употребили — «брачные кандалы». Точно ли вы такой уж защитник патриархальной семьи? Или это ирония?

Что до литературы, то образы отца-деспота мы находим во множестве — именно они (в том числе и ваш пример из Чехова), а не миф о добром и мудром отце есть лучшая инструкция против обаяния патриархального деспотизма. Вспомним Дикого из «Грозы», отца Аксиньи из «Тихого Дона». Патриархальность — страшная несправедливая сила, отдающая семью на волю отца. И дальше все зависит от этой воли — доброй или злой. Зачем искушать «малых сих» отцов этим? Иван Грозный и Петр тоже были отцами-сыноубийцами. И что, не поэтичны их образы? Не испытываем мы, читая о них, смесь пиитического ужаса и восторга? Уверены ли мы, что в своей семейной функции они только отвратительны? Сыноубийцей мог стать и самый архетипический из патриархов — смиреннейший Авраам. Был готов к этому. Но бог, что называется, упас. Для того, чтобы потом самому пройти этот путь... Недостаточно поэтичны мифологические отцы (Кронос, Лай), готовые принести детей в жертву, чтобы обезопасить себя? Достоевский даже исследует поэзию отвратительного: вспомним образ Карамазова-отца. Давайте же похороним патриархальность, благо она все равно мертва, перестанем ориентироваться на нее, как осел на прикрепленную впереди морковку.

А что до конкретного случая, то вот. Бабушка моя с гордостью вспоминала, каким строгим был прадед: чуть что не так за столом, сразу ложкой по лбу. Очень это ее восхищало. Зато мужа своего, комиссара на двух страшных войнах, не ставила ни во что: не был в семье грозен. Даже выгнала его из им же полученной за заслуги квартиры... Вообще презрительное отношение к слабому отцу — обратная сторона культа тирана. В «Недоросле» и «Господах Головлевых» слабые отцы — самые никчемные существа. Но если я ошибаюсь в том, что образ грозного отца все еще сохраняет свою опасную привлекательность, то в том, что отец-деспот — неизбежное следствие патриархальности, абсолютно уверен. Так что я говорю патриархальной семье «нет» — даже если ее предлагают только в качестве благостного ориентира.

А. М. Дорогой Вадим, да разве же я предлагаю вернуться к той ужасной патриархальности, которую вы развенчиваете вслед за классиками. Дед моей жены, когда взрослый сын громко засмеялся за столом, пробил ему голову мозговой костью, а когда мой собственный дед в молодости возвращался домой пьяный, все семейство разбегалось по соседям. При том, что он действительно выкормил всех внуков, пока отцы сидели и воевали. И в старости этой дури совершенно не проявлял — возможно, тоже находился под властью идеала грозного отца. И если вы считаете, что этот идеал действительно жив, то, разумеется, надо его развенчивать.

Но я какой ни на есть художник и умею верить только собственным глазам. «Грозного отца» я видел только однажды и описал его в повести «При свете мрака»: этот кретин пыжился и важничал, покуда реально не забил до смерти собственную жену. Но любящих, заботливых отцов я видел в сотни раз больше — других я, собственно,

почти и не видел. Стало быть, они пребывают под властью какого-то другого идеала, который бы я и хотел сохранить. Да, я хотел бы, чтобы семью сохраняли не «кандалы», а идеалы. Пусть даже и такие архаические, как Богоматерь и Отец небесный.

В. П. Согласен, что любящего отца увидеть в семье проще, ведь нелюбящих зачистую и след простыл. Знаю и таких, что, пройдя с полдесятка браков, любят всех своих детей в оставленных семьях. Может быть, на наших глазах возникает какой-то новый миф о семье, не связанный с патриархальностью? Может быть, мир отцов уже сменился миром людей?

А. М. Миром людей, не связанных верностью, хотите вы сказать? Чтоб всей вселенной шла любовь? Чтобы никто никого не считал единственным и незаменимым и сам не претендовал ни для кого быть единственным и незаменимым? Чтобы супруги не устраивали трагедий, теряя друг друга, а дети не видели ничего удивительного в том, что у них время от времени меняются папы и мамы? Мне кажется, такая коллективизация противоречит важнейшей тенденции современного мира — возрастанию ценности каждой индивидуальности. Если даже государства, по крайней мере, декларируют уникальность, незаменимость каждого гражданина, то тем более этого должна придерживаться семья. Ценности свободы не должны утверждаться за счет ценностей верности. Поиск компромисса между ними, поиск нового мифа, утверждающего обе эти ценности, — важнейшая задача социальной философии и художественной литературы.